

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"**

**International Center for University Teaching of Jewish
Civilization, Hebrew University of Jerusalem**

**Институт славяноведения
Российской Академии Наук**

**Материалы Восьмой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике.**

Тезисы

ספ

Москва 2000

**Moscow Center for University Teaching
of Jewish Civilization "Sefer"**

**International Center for University Teaching of Jewish
Civilization, Hebrew University of Jerusalem**

**Institute of Slavic Studies
RAS**

**Proceedings of the Eighth
Annual International
Interdisciplinary Conference
on Jewish Studies
Abstracts**

Moscow 2000

3) тема временной “сжатости”, уничиженности Божественного (каббалистическая категория *Цимцум*) в судьбах мира, человека и поэзии.

Цалерий Зайчик, Юлия Пахунова (Москва)

“Божественная комедия” и “Комедия человека” (Данте и Иммануэль Римский: биографические и литературные параллели)

1. Выдающийся еврейский поэт позднего средневековья Иммануэль Римский (конец 13 - начало 14 вв.), к творчеству которого в последние годы наблюдается определенный интерес, сравнительно мало известен. Причин тому много; среди них и равнодушие личности поэта и разнохарактерность его сочинений, которые всегда вызывали непонимание и даже раздражение у некоторых групп читателей, и противоречивые взгляды на эти сочинения ортодоксальных кругов, включивших ряд гимнов Иммануэля в круг молитв и при этом запретивших читать его стихи, и, как следствие, малое число изданий; хотя его книга была одной из первых, прошедших печатный станок сразу после появления книгопечатания.

Сочинения Иммануэля Римского изучены недостаточно. Библиографический список работ о нем за семь столетий насчитывает всего несколько десятков разрозненных статей в различных журналах и упоминаний в книгах, носящих обзорный характер.

2. Особый интерес представляет сравнительный анализ творчества Данте, заложившего основы новой литературной школы, и Иммануэля Римского, в ряде сочинений которого заметно влияние этой школы.

Оба великих поэта, хотя и выросли в разных социальных и религиозных средах и были воспитаны каждый в духе своей веры, были сыновьями Италии 13 в. Дошедшие до наших дней скудные биографические сведения о Данте и Иммануэле Римском позволяют сделать убедительный вывод об удивительном сходстве их судеб и волновавших их идей. Оба - знатного происхождения, оба - образованнейшие люди своего времени, оба познали горечь человеческой неблагодарности, оба были изгнаны

из своих городов (Флоренции и Рима), оба скитались по Италии в поисках пристанища. И оба создали величайшие произведения - "Божественную комедию" и "Махбарот" (в частности главу "Ад и Рай", названную Г. Грецом "Комедией человека"), в которых представлен весь мир, полный пороков и добродетелей, произведения, в которых свобода человеческой воли и стремление к совершенству поставлены превыше всего, произведения, в которых оба автора предстают певцами мира и морального возрождения.

3. Говорить о прямом влиянии Иммануэля Римского на Данте вряд ли возможно, но совершенно очевидно, что история еврейского народа, его литература и религия - иудаизм, имели влияние на Данте. Это явствует из его известного обращения к христианам, вложенного в уста Беатриче, из оценки еврея как лучшего судьи человеческой души и поступков, из критики социального положения евреев и признания роли евреев в духовной жизни Европы и всего человечества.

Внимательное прочтение "Божественной комедии" выявляет в ее тексте большое количество слов и выражений на иврите, которые ставили в тупик многих переводчиков. Это свидетельствует либо о знании Данте иврита, что во времена расцвета науки и признаваемом передовыми людьми того времени вкладе в это евреев нельзя считать исключительным явлением, либо о близости к Данте людей, знающих этот язык.

4. Естественно, гораздо больше оснований говорить о влиянии Данте на Иммануэля Римского, преклонявшегося перед великим итальянцем (и не сам ли Данте служил Иммануэлю в "Аде и Рае" прообразом Даниила, "славой которого полон весь мир"?).

5. Вместе с тем, несмотря на очевидность заимствования Иммануэлем Римским в "Аде и Рае" идеи "Божественной комедии", содержание этих произведений свидетельствует не столько об общности взглядов двух мыслителей и поэтов, сколько об их различии.

Они - различия - в отношении к религиозному догматизму, к эсхатологии, в художественных приемах, в точках зрения на предмет изображения. Там, где у Данте историческая перспектива, вечность, красота, страсть и порок, там у Иммануэля объект сатиры. Насмешка Иммануэля является антитезой серьезности Данте.

И даже, казалось бы, объединяющая поэтов любовь к людям и жизни у них разная: у Данте она - религиозное чувство, у Иммануэля - страсть.

Различны у Данте и Иммануэля и пути к совершенству. Один угрозами и страхом призывает человечество к покаянию, другой хочет исправить его бичующей насмешкой, которая не подавляет человеческого духа, а просвещает его.

Иммануэль больше, чем Данте верит в человеческую мудрость как в величайшую силу, не только совершенствующую человека, но и поднимающую его к Божественному сиянию. Данте же человеческой мудрости не доверяет, противопоставляя ее религиозной вере.

Данте воспевает индивидуальное совершенствование личности, а Иммануэль, верный этике пророков и талмудистов, имеет ввиду народ, массу, он горячий сторонник массовых чаяний и желаний. Любовь и милосердие ко всем людям сблизали Иммануэля с человечеством. Он помещает в своем Раю “всех праведных людей народов мира, которые достигли высших ступеней на лестнице разума и мудрости”, в то время как Данте, верный догмам церкви, допускает в рай только христиан.

Данте - сторонник прозелитизма, но только склонявшегося к христианству. Иммануэль - противник прозелитизма, но он выработал в себе доброе отношение к человеческим слабостям и заблуждениям. Уступая Данте во многом, он превосходил его в милосердии.

Каждый из великих поэтов был верен своей религии и шел в поисках истины своим путем, завещая найденную правду грядущим поколениям и представляя перед ними во всем своем величии.

Георгий Прохоров (Коломна)

Мудрецы Талмуда в трактате И. Рейхлина “Augenspiegel”

Мы исходим из разработок В. Н. Топорова, В. А. Веселовой о структурной функции, выполняемой фрагментами одного текста (названиями трактатов, персонажами, авторами) внутри другого.